

А. А. ПЛЕТНЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
apletneva@list.ru

ЗАПИСИ БЫЛИН В СОСТАВЕ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ XVIII В.: ЯЗЫКОВЫЕ КРИТЕРИИ ЖАНРА

Статья посвящена анализу языка былин, сохранившихся в составе рукописных сборников XVIII в. Составители рукописных сборников собирали остросюжетные повести для развлекательного чтения, среди которых оказались и адаптированные записи былин. Задача максимально точной передачи устного текста перед составителями не стояла. При записи былины теряла особенности, свойственные звучащему тексту, и приобретала черты приключенческой повести. Поэтому перед исследователем встает вопрос, в какой степени запись ориентирована на звучащий устный текст, а в какой является его литературной обработкой и приближается к лубочной повести. В настоящей работе решалась задача выделения языковых критериев, при помощи которых повесть можно формально противопоставить былине. Затем относительно этих критериев рассматривались тексты с былинными сюжетами в записях XVIII в. Так, например, в былине подчинительные союзы представлены в незначительной степени, в то время как в повести их достаточно много. Рукописные тексты с былинными сюжетами по этому критерию близки к повестям. В развлекательных текстах и в литературных обработках былин встречается достаточно много славянизмов, тогда как в былинах, записанных с голоса, их существенно меньше. В то же время литературные записи былин имеют ряд особенностей, не характерных для повестей, но характерных для былин: повтор предложения перед прилагательным и существительным, постановка атрибута после субъекта, развернутое обращение и т. д. Таким образом, можно говорить об особом поджанре развлекательной повести, которая ориентирована на былину.

Ключевые слова: народная письменность, былина, рукописная повесть, лубочная повесть, порядок слов, славянизмы, язык народной литературы XVIII в.

В раннее Новое время образованные горожане начинают записывать тексты, которые в предшествующую эпоху существовали только в устной форме. В составе рукописных сборников появляются записи песен, сказок, пословиц, а также «гисторий», в основе которых лежит былинный сюжет. Настоящая статья посвящена языковым особенностям этих «гисторий». При этом мы ставим перед собой следующие вопросы: в чем сходство былин, входящих в рукописные сборники, и былин, записанных профессиональными собирателями, а в чем их различие, что происходит с устным текстом при включении его в письменную традицию?

Наиболее известный рукописный сборник, содержащий записи былин, — это «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова. Вопрос, с какой целью составлялся этот сборник, остается открытым. Существует версия, что его тексты были записаны для академика Г. Ф. Миллера, который во время своих путешествий по Уралу и Сибири проявил большой интерес к русскому фольклору, считая возможным использовать его в качестве исторического источника [Путилов 1977: 375–376]. Однако более достоверной кажется гипотеза, что сборник Кирши Данилова — это рукописный песенник¹ с минимальной литературной обработкой [Там же: 376–379]². Сборник Кирши Данилова далеко не единственный. Вариации на былинные сюжеты, носящие жанровые подзаголовки *повесть*, *сказание/сказка* или *история/гистория*, входят во многие рукописные сборники XVII–XVIII вв. Они не образуют цикла, не представляют собой тематического собрания текстов, как в случае сборников Кирши Данилова или Александра Мезенца³. И вряд ли они могут быть связаны с идеей собирания, систематизации фольклора. Тексты с былинными сюжетами, входящие в рукописные сборники (далее эти рукописные былины будем обозначать как БР), относятся к массовой городской литературе.

Доказательством того, что БР стояли в одном ряду с повестью XVII–XVIII вв. (в том числе переводной), является состав рукописных сборников, в которые они включались⁴. Так, например, в сборнике Бусл 92 (РНБ,

¹ Предположение, что сборник Кирши Данилова — своеобразный песенник, запись текстов для себя, а не для постороннего читателя, подтверждается формой этой записи. Здесь нет разделения на строки; все записывается в подбор; практически нет знаков препинания; предлоги, союзы, частицы пишутся слитно с последующими и предыдущими словами; орфография характеризуется большим количеством фонетических написаний [Путилов 1977: 379–380]. Такая запись характерна для народной литературы XVIII — начала XIX в., т. е. предполагает читателя из непривилегированной среды (об орфографических особенностях произведений народной литературы см. подробнее [Плетнева 2013: 105–110; 2016а: 212–222]).

² Мы все же не можем считать, что «Древние российские стихотворения» — это записи с голоса, поскольку часто встречается не поэтический текст, а его пересказ. Вот, например, фрагменты двух былин, где очевидно влияние поэтики повести: *Я-де об нем слышал, да и сам подлинно видел в городе Леденце, у того царя заморского; Соловей у царя в протаможне попал и за то посажен в тюрьму, а корабли его отобраны* («Про Саловья Будимеровича») [Древние российские стихотворения 1977: 13–14]; *Покушавши, ласковой Владимир-князь велел дом его переписывать, и был в том дому сутки четвера. А и дом его крестьянской переписывали — бумаги не стало, то оттеля Дюк Степанович повел князя Владимира со всемя гостьми и со всемя людьми ко своей сударыне-матушке* («Дюк Степанович») [Там же: 23]. И это далеко не единичные фрагменты.

³ Александр Мезенец в 70-е годы XVII в. составил сборник духовных стихов с нотацией. Об этом см. подробнее [Бессонов 1864, VI: XVII–XVIII; Парфентьев 1997].

⁴ Об этом см. [Сперанский 1963: 29–31].

О. XVII. 57), наряду с рукописными былинами о Ставре Годиновиче и об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, содержатся Судное дело ерша с лещиком, О Куре и Лисице, О войне и смерти, О бражнике, О Давиде и Соломоне, Повесть об Анкире и др. В состав сборника Тих 222 (РГБ, ф. 299), кроме истории об Илье Муромце, входят повесть о Кеинге и Афире, Шемякин суд, О царевиче Диоклетиане, О Савве Грудцыне и др.

Записи былин XVII–XVIII вв. изучались с середины XIX в. При этом перед исследователями вставал вопрос, записаны ли тексты с голоса или это опыты литературной обработки былинного текста [Астахова, Митрофанова 1960: 7]. Мнения разделились. Так, например, Л. Н. Майков считал данные тексты прозаическим пересказом с элементами вставок в книжном стиле [Майков 1891: 5]. Еще более категорично высказывался М. Н. Сперанский. Он полагал, что создатель письменного варианта рассматривал исходный текст быliny как материал для занимательной истории, превращая при этом поэзию в прозаический текст⁵. В. Я. Пропп также считал, что по жанру подобные тексты относятся к повестям [Пропп 1958: 244–245]. Если в указанных выше работах жанровая специфика текста определялась из общих соображений и из стилистического чутья исследователя, то в работах А. П. Евгеньевой появился анализ языковых фактов. На основе этого анализа был сделан вывод о том, что БР записывались с голоса (в них отражаются, например, диалектные особенности, позволяющие локализовать возможное место записи данного текста) [Евгеньева 1944: 168]. Такой вывод позволил А. П. Евгеньевой в более поздней работе анализировать языковые особенности былин (такие, как наличие постоянных эпитетов, повтор предлогов, сочетания однокоренных слов и др.) на основании всех имеющихся записей: и записей фольклористов, и БР [Евгеньева 1963]. Действительно, по тем критериям, по которым рассматриваются былины в этом исследовании, тексты рукописных сборников и профессиональные записи XIX в. не противопоставлены. Но мы не можем поставить между этими группами текстов знак равенства. В работах А. П. Евгеньевой выбор критериев для сравнения кажется достаточно произвольным.

Составители сборника «Былины в записях и пересказах XVII–XVIII» (1960) отмечают, что данный вопрос не имеет простого ответа. Рассматривая разные группы текстов и их связь между собой, они справедливо полагают, что нельзя однозначно установить, с голоса ли записывалась былина

⁵ «Интересуясь исключительно самым содержанием песни, приравнивая его к широко распространенным книжным повестям своего времени, записывавший не соединял с этим представления о быline, как о песне, отливающейся в определенную ритмическую форму: поэтому-то он пишет знакомую ему по памяти или услышанную им песню сплошь в строке прозой, не заботясь о сохранении ее типичной ритмической формы: стиль его интересует мало; если он и сохраняет по местам — а иногда и на протяжении всей своей записи — ритмическую форму песни, то происходит это у него бессознательно: стремления сохранить песню как песню у него не замечаем» [Сперанский 1919: 502].

и насколько велика ее литературная обработка. Дело осложняется еще и тем, что БР не отличаются однородностью: в одном тексте фольклорные фрагменты могут соседствовать с прозаическими пересказами в жанре повести. Поэтому дать однозначную характеристику жанра каждого отдельного текста и степени его литературной обработанности — задача нетривиальная. Отмечая сложность проблемы, авторы не предлагают внятную методику определения того, к чему в большей степени тяготеет каждый конкретный текст — к былине или к повести. В конечном счете главным инструментом оказывается интуиция исследователя.

В данной статье мы предлагаем некоторые формальные критерии, позволяющие противопоставить фольклорный текст и его литературную обработку. Эти критерии позволят ответить на следующие вопросы. Какие языковые явления объединяют БР с былинами, а какие с повестью? Какие формальные особенности отличают былину от повести? Что происходит при переходе устного текста в письменный?

В качестве объектов для сравнения мы будем обращаться к трем типам текстов:

1. Тексты былин. Здесь мы привлекаем былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. При ссылках на конкретные тексты используем индекс Г и номер былины в издании.

2. Былины из рукописных сборников (БР). Для анализа взяты шесть текстов из сборника «Былины в записях и пересказах XVII–XVIII». В дальнейшем они будут иметь индекс БЗП и номер в соответствии с номером издания. Строго говоря, для решения нашей задачи состав выборки текстов может быть произвольным. Мы взяли пять текстов, связанных с сюжетом об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, и добавили к ним «Гисторию о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче» (БЗП28). Последний привлек наше внимание потому, что составители сборника охарактеризовали его как максимально близкий к устной былине [Астахова, Митрофанова 1960: 18]. Эта характеристика, как мы увидим ниже, не совсем справедлива. Сюда также добавлена лубочная «История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье Разбоинике» (Р1). Данный текст не имеет принципиальных отличий от БР ни по сюжету, ни по языковым особенностям. В сборнике [Былины в записях и пересказах] он помещен составителями рядом с рукописными текстами.

3. Лубочная повесть. Термин «лубочная повесть» мы употребляем здесь в расширенном смысле, понимая под этим текст развлекательного или назидательного характера, адресованный аудитории, образование которой не выше начального. Лубочная повесть — любимое чтение горожан, не принадлежащих к культурной элите⁶. Тексты лубочных повестей приводятся

⁶ В других работах, посвященных лубку, мы противопоставляем гравированные издания наборным [Плетнева 2013: 19], однако в рамках настоящей статьи такое противопоставление не имеет смысла.

по изданию Д. А. Ровинского и имеют индекс Р и номер в соответствии с номером издания.

Все рассматриваемые тексты, для которых производились подсчеты, примерно равны по объему (от 900 до 1350 слов). Если текст имеет объем, превышающий данный, то мы берем фрагмент текста в заданном интервале. Точное количество слов приводится в разделе Источники. Тексты, из которых заимствовались примеры, но на материале которых подсчеты не производились, не снабжены указанием на количество слов.

I. Сохранение особенностей былины в БР

В первой части будут рассмотрены те особенности былины, которые сохраняются в БР: ритмическая структура текстов, наличие устойчивых эпитетов, место прилагательного относительно существительного, повтор предлога и наличие развернутых обращений. При этом следует отметить, что близость БР к былине, записанной с голоса, не означает их тождества. Так, например, наличие былинных эпитетов в рукописных текстах не является доказательством аутентичности текста, поскольку их использование может быть и литературным приемом. Если попросить человека, знакомого с былинами, сочинить собственную версию былины или пересказать ее близко к исходному тексту, то он обязательно будет использовать такие выражения, как «добрый молодец», «море синее», «стольный Киев-град» и т. д. То есть устойчивые эпитеты — это элементы, которые могут воспроизводиться вне самого текста как подражание оригиналу. То же самое касается повтора предлогов и других особенностей былинного текста.

1.1. Ритмическая структура текста

Былина, как известно, — поэтический текст, имеющий ритмическое выделение строки, лубочная повесть — текст прозаический. Для исследователей БР важным критерием близости этих текстов к устной былине является сохранение в них ритмической структуры [Астахова, Митрофанова 1960: 18–19, 26, 40, 42]. Если сохраняется ритмическая организация большей части строк, значит, записанный текст не так далек от устного оригинала. Однако для рассмотрения вопроса о жанровой принадлежности БР наличия ритмических фрагментов явно недостаточно. Прежде всего потому, что начало текста может иметь ритмическую организацию, а конец почти не иметь членения на строки и быть прозаическим. Например, лубочная «история» про Илью Муромца (Р1) по ряду рассмотренных ниже критериев уходит от устного текста, тем не менее в первой части имеет значительное число ритмически организованных фрагментов.

*Вславномъ было Городе муроме // вселе карачарове // жить въ немъ
крестьянинъ // иванъ тимофеевичъ // у него было любимое детище //
илья муромецъ*⁷ [Ровинский I: 2];

*Государи батюшка и матушка // отпустите меня вславнои киевъ градъ
// богу помолитца // а князю киевскому объявитца* [Там же: 2];

*И поехалъ впуть свои кславному граду киеву // и подъезжаетъ кограду
чернигову // и подтемъ градомъ черниговымъ // стоитъ воиско босур-
манское // что ему и сметы нет // и черниговъ градъ осадили // их-
отятъ ево вырубить // и божию церкви на дымъ пустить // асамаго кня-
зя киберскаго и воеводу черниговскаго // живыхъ вполонъ взять* [Там
же: 3];

Во второй части текста Р1 количество неритмизованных прозаических отрывков увеличивается:

*Но князь осердясь сказал што ты обманываеши (.) и какъ эта услыша
богатыри алеша поповичъ добрыня никитичъ бросились смотреть
и увидели и князя уверили што справедливо* [Ровинский I: 6];

*И идолице просить есть и принесли ему быка целова жирнова и онъ
ево искостми съелъ и идолице попросилъ пить и принесли котель пива
а несли 12 члѣвъ и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь* [Там же: 7].

Все рассмотренные нами БР имеют и фрагменты, сохраняющие ритмическую стихотворную структуру, и прозаические фрагменты. Это показывает явную недостаточность одного критерия для понимания степени литературной обработанности фольклорного текста. Поэтому важным представляется отметить и другие критерии, которые бы противопоставляли былинную и лубочную повесть, и посмотреть, как относительно этих критериев ведут себя тексты БР — где они воспроизводят былинный нарратив, а где приближаются к лубочной повести. Именно такие критерии мы попробовали выделить и в соответствии с ними проанализировать наш материал.

1.2. Устойчивые эпитеты и порядок слов AS или SA

Исследователи отмечали, что БР сохраняют устойчивые эпитеты, характерные для устной былины. А. П. Евгеньева видела в этих эпитетах доказательство того, что БР воспроизводят живой фольклорный текст [Ев-

⁷ Орфография примеров воспроизводит издание «Русских народных картинок». Хотя в этом издании Д. А. Ровинский приводит лубочные тексты в упрощенной орфографии (например, он дает разделение на слова, часто отсутствующее в оригинале, заменяет экзотические буквы на фонетические аналоги), основные особенности лубочной записи все же сохраняются. Это свободный выбор дублетных букв, отсутствие знаков препинания и прописных букв. (Разделение на строки прозаического текста здесь и далее наше. — А. П.)

геньева 1963: 314–342]. Однако, как мы отмечали выше, это весьма спорное утверждение⁸.

В БР место определения в устойчивом эпитете то же, что и в былине, т. е. определение и определяемое слово функционируют как единая именная группа, имеющая устойчивую структуру с закрепленным порядком слов (например, «зелено вино», «добрый молодец» — порядок AS, «мосты калиновы», «копье булатное» — порядок SA). Порядок SA воспринимается не просто как архаическая черта, но как яркая характеристика языка фольклора.

Записи былин, сделанные в XIX в. профессиональными собирателями фольклора, показывают, что примеров с порядком SA обычно несколько меньше, чем с AS, но все же их довольно много и в основном они связаны с устойчивыми эпитетами. Подсчеты порядка слов AS/SA по былинам показывают следующее⁹:

	Г96	Г140	Г74	Г156
AS	38	73	85	40
SA	69	63	61	25
AS/SA ¹⁰	0,55	1,16	1,39	1,6

Для лубочной повести мы видим иную картину: примеры с SA есть, но по сравнению с AS их значительно меньше, чем в былинах¹¹.

	P6	P15	P18
AS	51	38	55
SA	13	8	9
AS/SA	3,93	4,75	6,1

⁸ Считая наличие эпитетов важным критерием близости былины к устному варианту, А. П. Евгеньева тем не менее отмечает, что в записях количество эпитетов может быть меньшим, чем в устной былине. «Тексты XVII в., к тому же дефектные, безусловно не могут отражать во всей полноте былевую традицию XVII в., но они с достаточной яркостью обнаруживают стилистические принципы ее и, в частности, принципы использования определений-эпитетов» [Евгеньева 1963: 334].

⁹ Во внимание принимались только случаи сочетания существительного (или местоимения) и прилагательного (или причастия) без зависимых слов. Определения, выраженные местоимениями, при подсчете не учитывались.

¹⁰ Для большей наглядности результатов, кроме самих подсчетов (т. е. цифр, отражающих порядок AS и SA), мы вводим цифру, характеризующую отношение AS к SA.

¹¹ Характерно, что и в лубочной повести, где порядок SA незначителен, иногда появляются устойчивые словосочетания с порядком SA, которые, несомненно, отсылают к фольклорным нарративам: *Оглянись назадъ и увидишь коня богатырско-го которю будетъ служить тебе верно во всужизь*¹² (P6 [Ровинский I: 12]).

В БР достаточно много эпитетов с порядком SA: *сбруя ратная, копие булатное, заклятие великое, кровь христианская, таборы разбойничьи, сила басурманская, сила поганая, попрыски богатырские, грязи топучие, мосты калиновы* и др. (примеры из P1). Поскольку данные в двух вышеприведенных таблицах разные, важно понять, какое место по показателю AS/SA занимают БР, к чему они ближе — к живой былине или к лубочной повести. Результаты подсчетов выглядят следующим образом:

	БЗП7	БЗП15	P1	БЗП28	БЗП6	БЗП26
AS	53	48	53	72	60	82
SA	49	43	47	56	42	54
AS/SA	1,08	1,11	1,13	1,28	1,42	1,51

Подсчеты показывают, что по критерию AS/SA былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, и БР не различаются. Отношение AS/SA составляет от 0,55 до 1,6. Лубочная повесть при этом стоит особняком. Примеров с порядком SA в ней значительно меньше, здесь значения колеблются от 3,93 до 6,1. Очевидно, что былина, переходя из устного текста в письменный, не избавляется от порядка SA, конструкция SA воспринимается как неотъемлемая характеристика былинного повествования.

1.3. Повторы предлогов

Одна из характерных особенностей языка былин — повтор предлога, т. е. предлог появляется как перед атрибутом, так и перед существительным, к которому он относится, например: *со своей со дружинишкой, у славной у речки у Смородины* и под.¹² В ряде текстов БР сохраняются повторы предлогов (например, из рассмотренных нами это БЗП6, БЗП26, БЗП28). В других текстах таких повторов нет (БЗП7, БЗП15, P1). Вот встретившиеся примеры: БЗП6: *ко князю Владимиру ко киевскому Всеславичу* (2 раза); *ко столному граду ко Киеву* (2 раза); БЗП 26¹³: *за столы за дубовыя, на те леса на Брянския* (2 раза); БЗП 28: *из шелому из баканова*¹⁴, *на стада на галечья*.

А. П. Евгеньева, декларируя близость БР к устной былине, повтор предлогов в БР рассматривает как доказательство этой близости [Евгеньева 1963: 20–97]. Однако, несмотря на то что эта черта является весьма специфичной, нельзя сказать, что она указывает на тождественность письмен-

¹² Эта особенность былин неоднократно отмечалась исследователями, см. [Миклошич 1895: 208–209; Сперанский 1919: 146; Штокмар 1952: 277; Пропп 1958: 391]. О повторе предлогов в древнерусских текстах см. [Минлос 2007].

¹³ БЗП26 определяется издателями как текст, близкий по жанру к повести. Подробнее о нем см. [Астахова, Митрофанова 1960: 23, 25, 35, 49, 58–59].

¹⁴ Также два раза встречается в БЗП28 *на шелом и на баканов*, где союз и сигнализирует об относительной синтаксической независимости частей именной группы.

ной и устной былины, на запись былины с голоса. Дело в том, что в былинах, записанных профессиональными собирателями, случаи повтора предложения фиксируются значительно чаще. В текстах былин, рассматриваемых в данной статье, видим следующую картину: Г73: *к первому ко городу ко Гурьевцу, со своей с дружиной с хороброю, со тою со сошки со кленовеной* и др. (всего 10 примеров); Г74: *у той ли у Грязи-то у Черной, во белы во ручушки, ко славному ко князю* и др. (всего 23 примера); Г90: *на чужу на сторонушку, ко городу ко чужому, на могилу на родительску* и др. (всего 17 примеров); Г96: *по красному по солнышку, за нашу за неправду великую* и др. (всего 17 примеров); Г100: *в камочку во крупчатую, на смиренную на свадьбу* и др. (всего 20 примеров); Г115: *во Индеи во богатыи, во гридни во столовыи* и др. (всего 22 примера); Г140: *на всих на князей, в конюшечку во новую* и др. (всего 7 примеров); Г156: *на небушко на ясное, ко городу ко Курцевцу* и др. (всего 4 примера); Г186: *во ту ли во полату белокаменну, во городе во Киеве* и др. (всего 6 примеров).

Таким образом, очевидно, что хотя БР и сохраняют повтор предложения, они сохраняют его скорее как маркер былинного нарратива, как подражание былинне. В рассмотренных шести текстах БР всего 9 случаев такого употребления. В девяти былинах — 126 случаев. Ни о какой записи с голоса речь идти не может. Перемещение поэтического текста в плоскость прозы ограничивает употребление подобных приемов.

1.4. Развернутые обращения

Еще одной характерной чертой языка былин является развернутое обращение. Когда былинный нарратив прерывается прямой речью, последняя часто вводится в текст при помощи обращения, которое, как правило, состоит из нескольких слов (трех и более) и равно стихотворной строке.

*Говорил-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленький дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусьский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела. (Г74)*

Иногда обращение находится в середине прямой речи, тогда оно короче, может состоять даже из одного слова:

*Говорил Волга таковы слова:
— Бог тебе помочь, оратаюшко.
А орать да пахать да крестьяновати,
С края в край бороздки пометывати!*

Говорил оратай таковы слова:

— Да поди-ко ты, Вольга Святославович!

Мни-ко надобно Божья помочь крестьянствовать,

С края в край бороздки пометывать. (Г73)

Таких случаев меньше, чем обращений, которые занимают целую строку (из трех и более слов). Вот как выглядит количество и состав обращений в рассмотренных былинах.

	Г100	Г156	Г74	Г73	Г140
Общее число обращений	8	9	10	12	14
состоят из 1 слова	—	—	—	3	—
состоят из 2 слов	—	3	—	—	1
состоят из 3 и более слов	8	6	10	9	13

В лубочной повести картина совсем другая. Нарратив лубочной повести характеризуется сравнительно небольшим количеством включений прямой речи, и обращения встречаются редко.

	Р6	Р18	Р15
Общее число обращений	1	2	3
состоят из 1 слова	1	—	—
состоят из 2 слов	—	—	1
состоят из 3 и более слов	—	2	2

Таким образом, количество обращений является диагностическим признаком, различающим былинку и лубочную повесть. Что же происходит в БР?

	БЗП7	Р1	БЗП15	БЗП28	БЗП26
Общее число обращений	8	9	10	11	17
состоят из 1 слова	—	2	1	3	3
состоят из 2 слов	4	1	2	2	3
состоят из 3 и более слов	4	6	7	6	11

Мы видим, что количество обращений в БР такое же, как в былинах, а в ряде случаев даже больше. То есть обращение (особенно развернутое) ощущалось как специфическая черта былинного нарратива и сохранялось в рукописных гисториях о богатырях. Однако надо отметить, что в текстах БР больше, чем в былинах, обращений, состоящих из одного или двух слов, т. е. таких, которые при устном исполнении не образовывали бы ритмическую единицу, равную строке.

II. Элементы повести в БР

Во втором разделе будут рассмотрены те особенности БР, которые характерны для лубочной повести. Здесь необходимо остановиться на том, что лубочная повесть — это не однородное по языку явление. Хотя тексты существуют в одном времени и обращены к единой читательской аудитории, они отражают нормы разных эпох. В XVIII в. сосуществуют (например, в пределах одного рукописного сборника) тексты, созданные в XVII в., и тексты середины XVIII в. Эти тексты довольно серьезно различаются по языку. В рамках данной работы мы рассматриваем как «старшие» повести, ориентированные на литературную и языковую норму второй половины XVII в. (P10 и P15), так и «младшие» повести, ориентированные на норму середины XVIII в. (P6 и P18).

Надо отметить, что черты, присущие повести, проникали в тексты БР в разной степени. Например, характерный для «старшей» повести начинательный союз *и* появляется практически во всех текстах БР. А такой прием, как славянизация, несомненно, связанный с литературной обработкой текста, встречается далеко не везде. Но все особенности, о которых пойдет речь ниже, связаны именно с тем, что былина, перемещаясь из устного узуса в письменный, становилась частью литературного пространства.

II.1. Начинательный союз *и*

Ряд лубочных повестей характеризуется такой специфической синтаксической чертой, как употребление начинательного союза *и*. То есть союз *и* встречается в начале текстового фрагмента (предикативной единицы), при этом он не выполняет соединительной функции, не связывает части предложения или однородные члены, а является текстообразующим элементом, специфической характеристикой нарратива повести. Вот пример подобных употреблений:

P10: *И говорилъ ему Ерусланъ Лазаревичъ государь царь картаусъ не привыкъ я у тебя в царстве жить <...> и простился со всеми градскими жителями поехалъ в чистое поле гулять (.) и ехалъ онъ съ мѣсяцъ времени и наехалъ въ чистомъ полѣ на бѣль шатеръ <...> и входитъ тутъ ерусланъ лазаревичъ въ бѣль шатеръ [Ровинский I: 53].*

Начинательный союз *и* встречается в «старшей» повести, тексты которой восходят к рукописным сборникам XVII в. Для «младшей» повести, ориентированной на языковые нормы XVIII в., этот союз является анахронизмом, здесь он встречается значительно реже или вообще отсутствует. В связи с этим показательны две лубочные сказки о Бове-королевиче: P15 представляет собой «старшую» повесть, а P18 — «младшую». Они отличаются не только относительно позиции начинательного союза *и*, но и по ряду других параметров¹⁵.

Лубочная повесть	P15	P10	P18	P6
Случаи с начинательным союзом <i>и</i>	48	20	3	0

Что касается былин, то здесь начинательный союз *и* встречается сравнительно редко. Из девяти текстов произвольной выборки он регулярно встречается только в одном тексте (Г96). В остальных количество примеров с начинательным союзом *и* 0 или 1. В качестве начинательных здесь встречаются другие союзы: *а* (вариант *а й*) и *да* (вариант *да й*).

Былины	Г96	Г73	Г74	Г115	Г140	Г156	Г90	Г100	Г186
Случаи с начинательным союзом <i>и</i>	16	1	1	1	1	1	0	0	0

Таким образом, мы имеем следующую картину. В лубочной повести, воспроизводящей тексты XVII в., начинательный союз *и* присутствует. В лубочной повести, транслирующей языковую норму XVIII в., и в былинах, записанных с голоса, подобных примеров существенно меньше. Остается понять, как ведут себя относительно этого критерия тексты БР. Оказывается, что здесь они тяготеют к «старшей» повести. Начинательный союз *и* в них является элементом, используемым при конвертации устного текста в письменный.

P1: ***И** поехалъ в путь свои и такъ далеко заехалъ в темны леса что наехалъ на таборы разбоиичьи. **И** те разбоиники увидели илью муромца и разгорелись у нихъ сердца разбоиичьи на коня богатырскава и стали между собою разговаривать;*

БЗП7: ***И** так тут услышал Илья Муромец ту их похвалу великою. **И** богатырское сердце неумчиво, и распалился Илья Муромец на тех трех царевичев и на их силу великую. **И** в то число отвязал свою саблю острую от своего седла черкаского, и напускает на ту силу великую.*

Подсчеты показывают, что начинательный союз *и* в текстах БР представлен в значительном количестве. Характерно, что текст, по наблюде-

¹⁵ Об этом подробнее см. [Плетнева 2006: 476–484].

нию исследователей максимально близкий к устной былине (БЗП28) [Астахова, Митрофанова 1960: 18], имеет наименьшее по сравнению с другими БР число примеров с начинательным союзом *и*.

Былины из рукописных сборников	БЗП15	Р1	БЗП7	БЗП6	БЗП26	БЗП28
Случаи с начинательным союзом <i>и</i>	51	47	38	28	27	11

II.2. Порядок слов SV/VS

В разделе I.2 мы рассматривали порядок слов AS/SA, который оказался важным критерием, разграничивающим жанры лубочной повести и былины. Другим маркером жанра является порядок слов, определяющий положение субъекта (выраженного существительным или местоимением) и финитного глагола в предложении: SV/VS. О порядке SV/VS в былинах мы писали в отдельной работе [Плетнева 2019: 9–33]. Здесь лишь кратко перечислим ее основные положения. Для былины наиболее частотным и базовым (т. е. не нуждающимся в обосновании) является порядок VS. Порядок SV, как правило, имеет определенные причины, к которым относятся: переход от нарратива к описанию, появление рефренов, смена субъекта действия, завершенность действия, следствие и результат действия, одновременность действия (ретроспективный сдвиг), тесная связанность предикаций (например, начало и конец действия). На появление порядка SV влияют также местоимения *сам, он, этот, весь* и наречия времени *тут, скоро*. Вот как выглядит соотношение порядков SV/VS в рассмотренных былинах:

Былины	Г96	Г100	Г73	Г90
SV	9	25	23	48
VS	40	47	36	50
SV/VS	0,22	0,53	0,63	0,96

Что касается лубочной повести, то здесь нет единой картины. Точно так же, как и по отношению к наличию начинательного союза *и*, эти тексты делятся на две группы. «Младшая» повесть (Р6 и Р18) имеет значительное преимущество в употреблении порядка SV. В «старшей» повести (Р10 и Р15) соотношение SV/VS находится посередине между показателями былины и «младшей» повести.

Лубочные повести	Р10	Р15	Р6	Р18
SV	33	51	63	38
VS	37	34	23	6
SV/VS	0,89	1,5	2,73	6,33

БР по показателю SV/VS ближе всего к «старшей» лубочной повести. То есть количество случаев SV примерно равно VS или несколько больше. Здесь мы видим приблизительно ту же картину, что и по показателю наличия начинательного союза *и*.

Былины из рукописных сборников	БЗП7	БЗП28	БЗП6	Р1	БЗП15	БЗП26
SV	27	22	22	33	29	31
VS	36	24	17	25	21	16
SV/VS	0,75	0,91	1,29	1,32	1,38	1,93

II.3. Подчинительные союзы

Еще один параметр, по которому противопоставляются былины и лубочные повести, — это количество и репертуар подчинительных союзов. Для былины как устного жанра характерно такое устройство сложного предложения с отношением подчинения, в котором средствами связи могут быть как подчинительные, так и сочинительные союзы *а, и, да*¹⁶. Кроме того, союзные средства могут отсутствовать (бессоюзная связь).

Подсчеты показывают, что собственно подчинительных союзов в былинах не так много.

Былины	Г186	Г156	Г74	Г115
Количество подчинительных союзов	0	3	4	8
Репертуар подчинительных союзов		как (1), как бы (1), когда (1)	как (2), что (2)	аще (2), как (2), который (2), потому (1), что (1)

Если в былине представлено минимальное количество специальных подчинительных средств связи, указывающих на зависимый характер одной части предложения от другой (в целом для былины характерен паратаксис), то лубочная повесть устроена по-другому. Здесь имеется значительное количество подчинительных союзов и разнообразнее их репертуар. Таким образом, репертуар союзов и союзных средств оказывается жанрообразующим критерием.

Лубочная повесть	Р10	Р15	Р18	Р6
Количество подчинительных союзов	19	24	28	48

¹⁶ О функциях этих союзов в древнерусских текстах см. [Зализняк 2004: 191–192; Пичахадзе 1999].

Лубочная повесть	P10	P15	P18	P6
Репертуар подчинительных союзов	что (7), когда (3), которой (2), ежели (1), затем что (1), как (1), когда то (1), нежели (1), отчего (1), чтоб (1)	что (5), который (4), чтоб (3), яко (3), бо (2), аки (1), аще (1), где (1), како (1), куда (1), якобы (1), якоже (1)	что (7), чтоб (4), а буде то (3), ежели то (3), как то (3), который (3), как бы (1), когда (1), когда то (1), кой (1), потому что (1)	как (8), что (6), ибо (5), естьли (4), чтоб (4), ка- кой (3), кото- рый (3), что (3), кой (2), потому что (2), где (1), для того что (1), зачем (1), как ... так (1), когда (1), понеже (1), посему (1), так как (1)

Из таблицы видно, что по параметру количества подчинительных союзов объединяются лубочные тексты P10, P15 и P18. Особняком стоит повесть P6, являющаяся переработкой сказки литературного происхождения¹⁷. В ней подчинительных союзов значительно больше.

Что касается БР, то относительно употребления подчинительных союзов мы имеем следующую картину: тексты БЗП6, БЗП7, БЗП28 находятся ближе к былине, а БЗП15, БЗП26, P1 по этому критерию — ближе к лубочной повести нелитературного происхождения.

Былины в рукописных сборниках	БЗП6	БЗП7	БЗП28	БЗП26	БЗП15	P1
Количество подчинительных предлогов	8	11	11	21	24	26
Репертуар подчинительных предлогов	как (4), где (1), кто (1), что (1), чтоб (1)	как (7), аще (1), что (1), чтобы (1), яко (1)	который (5), буде (3), как (2), что (1)	как (6), что (6), который (4), ежели (2), чтоб (2), сколько (1)	что/што/що (11), как (4), который (4), чтобы/чтоб (3), естьли то (1), как то (1)	что/што (11), как (5), который (5), чтоб (3), сколько (2)

¹⁷ Д. А. Ровинский связывает P6 со сказкой, опубликованной М. Д. Чулковым [Ровинский IV: 65–66], а М. Н. Сперанский указывает на авторство В. А. Левшина [Сперанский 1963: 84]. Для нашей темы авторство первоисточника этого текста значения не имеет.

II.4. Славянизмы

В БР обращает на себя внимание довольно большое количество слов и форм, которые традиционно называются славянизмами. Например, *и сотвориши велии пир и отпустиши его в путь свои* (Р1); *и князь Владимир бысть велми радостен* (БЗП1); *рече Сибирскои царь, рече княз Владимир* (БЗП6) и др. Это не вызывает удивления. Известно, что в классических былинах есть церковнославянизмы, что может быть объяснено влиянием как литургической поэзии, так и духовных стихов¹⁸. Не вдаваясь в обсуждение проблемы происхождения славянизмов в былинах, отметим, что славянизмы в БР не являются воспроизведением славянизмов устного текста. Об этом говорит прежде всего их количество. В устных былинах оно незначительное (это неполногласные формы, определенные союзы и наречия), в записях былин их достаточно много и они разнообразнее.

На наш взгляд, имеет смысл говорить о влиянии на БР «старшей» повести и, шире, всей развлекательной литературы второй половины XVII в. В «старшей» лубочной повести славянизмов довольно много. Так, например, в тексте Р18 (Сказка о Бове пространной редакции) среди грамматических славянизмов встречаются формы аориста (в том числе несогласованных по лицу и числу), инфинитивы на *-ти*, причастия в предикативной функции и др. Кроме того, можно отметить значительное количество лексических славянизмов [Плетнева 2006: 476–484].

При переходе фольклорных текстов в письменную форму славянизмы использовались как определенный литературный прием, позволяющий зафиксировать новое положение текста¹⁹. Так, славянизмы включались в БР в том случае, когда речь шла о сфере божественного. Например, в ряде текстов об Илье Муромце присутствует сюжет об исцелении его Николаем Чудотворцем. Фрагмент с этим сюжетом по языку сильно отличается от остального текста.

И прилучилося [в] ден светителя христово Николая чудотворца, пошли отец и мат в церковь Николая чудотворца молебное пение совершати. А без их евися ему светител христов Николаи чудотворец и рече ему: «Илья! Имаши ли что пити?» Он же рече: «Имам! Отец и мат ворили пиво для праздника светителя господня Николая чудотворца». Он же

¹⁸ А. А. Шахматов полагал, что формирование русского героического эпоса проходило после крещения Руси под влиянием болгарской культурной традиции и церковнославянизмы являются прямыми следами болгарского влияния [Шахматов 1916: 82].

¹⁹ В «Народных картинках» Д. А. Ровинского есть раздел, который называется «Забавные листы». Многие лубки, входящие в этот раздел, связаны с народными гуляниями на городской ярмарочной площади (об этом см. [Некрылова 1988: 20, 47, 55, 57]). При письменной фиксации развлекательный, а подчас и фривольный характер этих текстов не мешал дополнять их славянизмами [Плетнева 2013: 44–45; 2016б: 285–286].

рече ему: «Давай мне, Илья, пива!» Илья рече ему: «Не могу, отче мой, востати на нозе». Он же даде ему питие и рече: «Востани и ходи!» А сам невидим быст. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал. (БЗП11)

Кроме того, славянизмы (как лексические, так и грамматические) часто присутствуют в заключительных фразах, как бы указывая читателю на то, что помещенный выше текст принадлежит письменной речи. Характерным в этом отношении является текст БЗП6, который в целом близок к былинному нарративу. Однако заключительная фраза переводит его в письменный регистр: *И тут по упрощению князь Владимир отпустит Илью Муромца постихся, а сам жити станет в Киеве до старости, и преставится ему жизнь* [Былины в записях и пересказах: 87]. Несмотря на общую сумбурность и грамматическую некорректность последней фразы, она необходима для фиксации нового, письменного статуса этого текста.

* * *

Приведенный материал позволяет сделать вывод, что БР по одним критериям тяготеет к былине, а по другим — к лубочной повести. Сходство БР с былинной обнаруживается в ритмической структуре текста, порядке слов SA, повторе предлогов и в наличии развернутых обращений. С лубочной (прежде всего «старшей») повестью БР объединяет начинательный союз *и*, соотношение порядка SV/VS, репертуар подчинительных союзов и наличие значительного количества славянизмов. Будучи фактом письменной культуры, БР сохраняет ряд особенностей, позволяющих воспринимать ее как былинное повествование. Именно этим объясняется трудность исследователя при определении жанра.

Источники

Былины в записях и пересказах — Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. II. М.; Л., 1938.

Ровинский — Д. А. Р о в и н с к и й. Русские народные картинки. Т. I–V. СПб., 1881.

Издания рукописных записей былин

БЗП1 — Повесть о сильном могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 79–81 (№ 1). Опубликовано по рукописи РНБ, Q. XVII. 194, втор. пол. XVIII в.

БЗП6 — Сказание о Соловье Разбойнике, какое ево полонил Илья Муромец // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 85–87 (№ 6). Опубликовано по рукописи РНБ, собрание А. А. Титова № 1994, втор. пол. XVIII в. Объем текста — 1163 слова.

БЗП7 — История о двух сильных богатырях — о Илье Муромце и о Соловье Разбоинике // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 87–89 (№ 7). Опубликовано по рукописи СПбИИ РАН, собрание Н. П. Лихачева № 287, втор. пол. XVIII в. Объем текста — 1112 слов.

БЗП11 — Гистория о славном и о храбром и силном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье разбоинике // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 97–100 (№ 11). Опубликовано по рукописи ГИМ, Забелина 548, втор. пол. XVIII в.

БЗП15 — История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье Разбоинике // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 110–113 (№ 15). Опубликовано по рукописи ГИМ, собрание Е. В. Барсова № 2399, кон. XVIII в. Объем текста — 1308 слов.

БЗП26 — История об Илье Муромце, Соловье Разбоинике и Идолище // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 132–139 (№ 26). Опубликовано по рукописи ОР РГБ, ф. 92, собрание С. О. Долгого № 5915, сер. XVIII в. Объем рассматриваемого фрагмента — 1263 слова.

БЗП28 — Гистория о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет // Былины в записях и пересказах. 1960. С. 140–145. Опубликовано по рукописи ОР РГБ, ф. 7, собрание архим. Амфилохия № 69, втор. пол. XVIII в. Объем рассматриваемого фрагмента — 1331 слово.

Р1 — История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье Разбоинике / Ровинский 1881. Т. I. С. 1–7 (№ 1). Объем текста — 1253 слова.

Былины

Г73 — Вольга и Микула / Гильфердинг. С. 7–11 (№ 73). Сказитель Т. Г. Рябинин. Сказитель К. И. Романов. Объем текста — 929 слов.

Г74 — Илья и Соловей / Гильфердинг. С. 12–18 (№ 74). Сказитель Т. Г. Рябинин. Объем рассматриваемого фрагмента — 1203 слова.

Г90 — Горе / Гильфердинг. С. 140–146 (№ 90). Сказитель Т. Г. Рябинин. Объем рассматриваемого фрагмента — 1196 слов.

Г96 — Сорок калик / Гильфердинг. С. 172–176 (№ 96). Сказитель К. И. Романов. Объем текста — 994 слова.

Г100 — Добрыня и Алеша / Гильфердинг. С. 184–190 (№ 100). Сказитель К. И. Романов. Объем текста — 1333 слова.

Г115 — Дюк / Гильфердинг. С. 248–254 (№ 115). Сказитель С. Корнилов. Объем текста — 1295 слов.

Г140 — Ставер / Гильфердинг. С. 368–373 (№ 140). Сказитель Д. В. Сурикова. Объем текста — 1067 слов.

Г156 — Вольга / Гильфердинг. С. 470–475 (№ 156). Сказитель И. А. Касьянов. Объем текста — 1017 слов.

Г186 — Илья Муромец и Идолище / Гильфердинг. С. 614–618 (№ 186). Сказитель А. В. Батов. Объем текста — 900 слов.

Лубочные повести

Р6 — Сказка полная о славном, силном и храбром богатыре Добрыне Никитиче, служившем при князе Владимире / Ровинский. Т. I. С. 10–39 (№ 6). Объем рассматриваемого фрагмента — 1219 слов.

P10 — Сказка полная о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны / Ровинский. Т. I. С. 42–74 (№ 10). Объем рассматриваемого фрагмента — 1140 слов.

P15 — История о храбром и о славном витезе Бове королевиче и о смерти отца его / Ровинский. Т. I. С. 76–82 (№ 15). Объем текста — полностью 1259 слов.

P18 — Сказка полная о славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружневне / Ровинский. Т. I. С. 83–113 (№ 18). Объем рассматриваемого фрагмента — 1059 слов.

Л и т е р а т у р а

Астахова, Митрофанова 1960 — А. М. Астахова, В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–75.

Бессонов 1864 — П. А. Бессонов. Калеки переходные. Т. 1–2. Вып. 1–6. М., 1861–1864.

Древние российские стихотворения 1977 — Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977.

Евгеньева 1944 — А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. III. Вып. 4. С. 165–176.

Евгеньева 1963 — А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Майков 1891 — Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. Вып. 1–2. СПб., 1891.

Миклошич 1895 — Ф. Миклошич. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895.

Минлос 2007 — Ф. Р. Минлос. Повтор предлогов в Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13) С. 52–77.

Некрылова 1988 — А. Ф. Некрылова. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища Л.: Искусство, 1988.

Парфентьев 1997 — Н. П. Парфентьев. Александр Мезенец // Православная энциклопедия. Т. 1. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия, 1997. С. 526–528.

Пичхадзе 1999 — А. А. Пичхадзе. О значениях и функциях союза *a* в древнерусском языке // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 26–37.

Плетнева 2006 — А. А. Плетнева. О языке «масскультуры» пушкинской эпохи: лубочная сказка о Бове // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 470–486.

Плетнева 2013 — А. А. Плетнева. Лубочная Библия. Язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Плетнева 2016а — А. А. Плетнева. Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности // Русский язык в научном освещении 2016. № 2. С. 206–226.

Плетнева 2016б — А. А. П л е т н е в а. Ярмарочные развлечения и лубочная письменность // Карнавал в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2016. С. 275–290.

Плетнева 2019 — А. А. П л е т н е в а. Структура текста и порядок слов VS/SV в былинном нарративе // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. М., 2019. С. 9–33.

Пропп 1958 — В. Я. П р о п п. Русский героический эпос. М., 1958.

Путилов 1977 — Б. Н. П у т и л о в. Сборник Кири Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения собранные Кири Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 361–404.

Сперанский 1919 — М. Н. С п е р а н с к и й. Русская устная словесность. Т. II. Былины. Исторические песни. М., 1919.

Сперанский 1963 — М. Н. С п е р а н с к и й. Рукописные сборники XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Шахматов 1916 — А. А. Ш а х м а т о в. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.

Штокмар 1952 — М. П. Ш т о к м а р. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

Статья получена 18.12.20

Aleksandra A. Pletneva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
apletneva@list.ru

TRANSCRIPTS OF *BYLINY* IN 18-CENTURY MANUSCRIPT MISCELLANIES: LINGUISTIC CRITERIA OF THE GENRE

The article is devoted to the analysis of *byliny* (Russian traditional oral epic poems) preserved in 18th century manuscript miscellanies. Compilers of such miscellanies tended to select action-packed stories for entertaining reading, which included adapted transcripts of *byliny*. The compilers did not endeavor to reproduce the oral text as accurately as possible. When transcribed, *byliny* lost characteristics of the oral text and acquired features of adventure stories. In dealing with such adaptations, the researcher is faced with the question of the proportion between the original oral text and its literary reworking more akin to *lubok* novel. The study aims to find linguistic criteria by which such written narratives can be formally contrasted with *byliny*. Using these criteria, the study further examines texts with *byliny*-specific plots in 18th-century transcripts. For example, subordinate conjunctions are not very common in *byliny*, while written records contain a lot of them. By this criterion, manuscript texts with *byliny*-specific plots are similar to stories. Entertaining texts and literary adaptations of *byliny* have quite a lot of Slavonicisms, while transcribed oral *byliny* contain much fewer of them. At the same time, literary records of *byliny* have a number of characteristic features that are not typical of written stories, such as repetition of preposition before adjectives and nouns, placement of the attribute after the subject, extensive apostrophes, etc. Therefore, it is possible to talk about a special subgenre of entertaining short novel aligned with *byliny*.

Keywords: popular writing, *bylina*, handwritten story, *lubok* novel, word order, Slavonicisms, language of the 18th-century folk literature

References

- Astakhova, A. M., & Mitrofanova, V. V. (1960). Byliny i ikh pereskazy v rukopisakh i izdaniiah XVII–XVIII vekov. In A. M. Astakhova (Ed.), *Byliny v zapisiakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov* (pp. 7–75). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Evgen'eva, A. P. (1963). *Ocherki po iazyku russkoi ustnoi poezii v zapisiakh XVII–XX vv.* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Evgen'eva, A. P., & Putilov, B. N. (Eds.). (1977). *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia sobrannye Kirsheiu Danilovym.* Moscow: Nauka.
- Minlos, F. R. (2007). Povtor predlogov v Novgorodskoi pervoi letopisi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(13), 52–77.
- Nekrylova, A. F. (1988). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniia i zrelischa.* Leningrad: Iskusstvo.
- Parfent'ev, N. P. (1997). Aleksandr Mezenets. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* (vol. 1, pp. 526–528). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.
- Pichkhadze, A. A. (1999). O znacheniiakh i funktsiiakh soiuz a v drevnerusskom iazyke. In S. I. Gindin, & N. N. Rozanova (Eds.), *Iazyk. Kul'tura. Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'* (pp. 26–37). Moscow: Nauchnyi mir.
- Pletneva, A. A. (2006). O iazyke «masskul'tury» pushkinskoi epokhi: lubochnaia skazka o Bove. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter. K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 470–486). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Pletneva, A. A. (2013). *Lubochnaia Bibliia. Iazyk i tekst.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Pletneva, A. A. (2016a). Lubochnye perepechatki gazet: k voprosu ob orfograficheskom edinstve lubochnoi pis'mennosti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 206–226.
- Pletneva, A. A. (2016b). Iarmarochnye razvlecheniia i lubochnaia pis'mennost'. In L. L. Fedorova (Ed.), *Karnaval v iazyke i kommunikatsii* (pp. 275–290). Moscow: RGGU.
- Pletneva, A. A. (2019). Struktura teksta i poriadok slov VS/SV v bylinnom narrative. In A. A. Pichkhadze (Ed.), *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa* (pp. 9–33). Moscow: Nestor-Istoriia.
- Propp, V. Ia. (1958). *Russkii geroicheskii epos.* Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
- Putilov, B. N. (1977). Sbornik Kirshi Danilova i ego mesto v russkoi fol'kloristike. In A. P. Evgen'eva, & B. N. Putilov (Eds.), *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia sobrannye Kirsheiu Danilovym* (pp. 361–404). Moscow: Nauka.
- Shtokmar, M. P. (1952). *Issledovaniia v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniia.* Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Speranskii, M. N. (1963). *Rukopisnye sborniki XVIII veka.* Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izd., pererabotannoe s uchtom materiala nakhodok 1995–2003 gg.* Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on December 18, 2020